

— 1993. — 24 апреля

АЛЕКСАНДР АРОНОВ
ПОГОВОРИМ?

Ну не везет Михаилу Козакову с публичными собеседниками. Раз — случайность, два — досадная, а дальше смотришь — это вообще другая пьеса. Не про любимца публики, а про то, как человеку трудно дается исповедь. Но все-таки он к ней прорывается. И как знать, может, в этом жанре так и надо, чтобы собеседники появлялись не самые чуткие, не самые внимательные, не самые умные? Мы-то, в жизни, должны обходиться такими — а актеру что за привилегии? Это получается не знаю что, только не реализм.

Надо еще объяснить, кто такой Михаил Козаков. Не исключено, в «Моменте истины» юная телезрительница знает больше ведущего, Андрея Караулова. Он те-

перь гораздо чаще мелькает — а это первая телевизионная добродетель.

Надо вспомнить, что такое был «Современник». Этот театр возник на волне хрущевской оттепели, как храм искренности. Тут с подмостков не призывали, не криковали все новые лозунги, сменившие более старые, но неизменные по эстетической сути. Не призывы к мировой революции, не призывы крепить партийную бдительность, но и не на целину и на строительство каких-нибудь грандиозных ГЭС. Впрочем, совсем без призывов никто бы не разрешил его спектаклей, но публика понимала, что они — простая нагрузка, дело не в них, а в небывалой лирической исповедальности, в той душе нараспашку, которую выражала ковбойка без галстука (взамен военной или партийно-чиновничьей униформы), да еще и с расстегнутой пуговицей у горла молодого героя.

Михаил Козаков был тут едва ли не единственным исключением, нераздельной, но неслиянной частью труппы. Актером, который сохраняет между собой и зрителем ощутимый слой профессионализма и даже мастерства, которые мне сначала казались холодноватыми. Но потом в один вечер я почувствовал, как становлюсь умнее.

Шла «Обыкновенная история». Артист властно отбил не предназначавшуюся ему главную роль у своего

ОГРАБЛЕНИЯ, ИЗНАСИЛОВАНИЯ И ПРОЧИЕ ИНТЕРВЬЮ

восторженного, романтического племянника, которого играл Олег Табаков. Племянник с ходу утрачивал провинциальное прекраснородушие и становился большим циником и карьеристом, чем дядюшка. И тогда обнаружилось другое: дядюшка сохранял всю возможную в его возрасте, чине и звании порядочность. Племянничек теперь казался старше, да и страшнее дядюшки...

Козаков тем самым обрел свою тему: как бы отрицая утопический захлеб своих соратников, сохраняя скепсис (но не цинизм!), — удивительно интересная актерская судьба, опередившая на эпоху или даже на несколько эпох то время, и, казалось, прямо предназначенная для того, чтобы вписаться в наше.

Случилось иначе. Козаков не мог отыскать сегодняшних, по себе, ролей. Он был, пожалуй, самым продуктивным режиссером телевизионного театра (вспомните только бесконечно нас радующие и по сей день «Покровские ворота»), но телетеатр в целом оказался как-то ни к чему. Козаков пробовал читать стихи, то Пушкина, то Бродского — но не получал из зрительного зала эмоционального эха.

Козаков, сын писателя-еврея и матери, русской по паспорту, у которой слилась кровь греческая и сербская, был частью русской культуры. Кто-то может сказать, не просто частью, а одним из главных ее кирпичиков. Но он остался самим собой, то есть нераздельной частью, у которой на этот раз взяла верх ее неслиянность. Тут у нас он считался евреем, но, уехав в Израиль, он стал русским: там национальность считается по матери. Так что и это не выход ни в какую полную и окончательную победу, а только вход во все новые и новые проблемы.

И ТУТ-ТО все с интервьюерами и началось. Первым, помнится, был Дмитрий Крылов, человек обычно тонкий и артистичный. Но на этот раз ему предназначалась другая роль: он застал Козакова в пустой квартире, не вполне — после вчерашней отвальной — трезвого, но сохранившего всю искренность, на какую я даже не подозревал, что этот мастеровитый актер вообще способен. И Крылов честно сыграл роль простодушного, слегка циничного профессионала, который в упор не видит, что перед ним слабо прикрытая трагедия, и уверен в одном, что актер Козаков ее не проживает, а в нее играет.

И пока кончается все Андреем Карауловым.

Он, по-моему, не притворяется, что не понимает артиста Козакова как художника, утрадившего отклик публики (по своей ли, по ее ли вине — другой вопрос) и потому готового на сверхординарные поступки — в лучшем случае на эмиграцию.

Все гораздо хуже. Караулов просто не верит, что такие люди вообще бывают. Ему козаковский трагизм не с чем сравнивать в себе. Он сидит перед актером и, в сущности, его не слушает, а только меняет позы. Камера-то одна, она в основном снимает Михаила Михайловича, а Караулова — так, для перебивок. И Караулов снова как-то усаживается перед ней, несколько по-другому, но с тем же неизменным выражением снисходительности в прозрачных глазах.

И вопросы Караулова только производят впечатление, что он почему-то играет на понижение своего собеседника. На самом деле сохраняет искренность, а ум и дух — это уж от Бога. Караулов недоумевает, почему это Козаков эмигрировал, и сам одновременно является лучшим доказательством необходимости этой эмиграции. Он как бы обозначает собой тот уровень интеллигентности, на который артист в нынешнем нашем отечестве вправе рассчитывать.

Так что дело в языковом барьере. Козаков, хотя и как-то по-детски хвастается достижениями в иврите, но говорит все-таки на одном с Карауловым и нами языке, по-русски. Но тут-то и возникает языковой барьер, по-настоящему непреодолимый.

Это уже довольно давняя история. В первый, кажется, раз барьер возник между сыновьями Ноя. Сим, Хам и Иафет говорили на одном языке, на иврите, но смысл слов, которые употребляли два крайних в этом ряду брата, был непонятен среднему. И так с тех пор все и идет.

ВООБЩЕ профессия интервьюера — обоюдоострая, небезопасная для обоих собеседников. Явно лишнее доказательство было этому дано в пятницу ночью, когда какой-то мне неизвестный Ваня наезжал на Вику Цыганову.

— Девушки для карьеры спят с начальниками, происходит дача взятки, скажи честно, с тобою такое тоже случалось? Поклонники эстрадных кумиров иногда говорят о них так: всем хороша, только замужем. Ты с этим согласна?

Попробуйте-ка с ходу выдумать вопросы глупее, бестактнее. Ручаюсь, у вас не получится. А Ваня не унимается, у него получилось: актер — проститутка, отдающая себя всегда и всем?

Ну, хорошо, пусть актер — проститутка. Но журналист не обязан быть душой, даже еще большей? Для всякой деятельности необходимо призвание. Вика Цыганова (которой я — горячий поклонник) держалась в этой глупейшей ситуации со всем возможным достоинством. Она только совершила одну ошибку: что не врезала Ване в челюсть сразу после первого вопроса. Это было бы в ее имидже.

КОЗАКОВ М.

27.01.93